

Вавилон

- Грыша, ты глянь кого там привёл твой шлымазл!
- Таки этот шлымазл, между прочим, и твой сын!
- Нет, я тебя умоляю.... Когда он вытворяет такое, так он вылитый ты!

Во двор входил рослый Борик, студент-математик, а за руку он вёл тонюсенькую и прозрачную девушку, в очках и с чёлкой до самых глаз. Девушка-олёненок, с огромными шоколадными глазами крепко держалась за большую Боренькину руку.

– Не, ты глянь как ухватилась... Оно ж и понятно, ветер подует и Это унесёт на раз! Ни формы спереди, ни богатства сзади....

– Папа -мама, познакомьтесь, это Регина....

– Ой, детонька, и где ж тебя так рОстили?!

– Здравсьте, тётя Галя и дядя Гриша. И не переживайте ви так за мой тухес, может я таки могу принести нахес?!

Гостья подбоченилась и приняла боевую стойку. Сразу было видно, что к подобным перепалкам она привычна, и даже получает от них удовольствие. Боже упаси, она нисколько не хамила, она весело взирала на Боренькиных родителей из-под длинной чёлки.

– Не, ты глянь, она ещё и языкастая... – Недоверчиво и уважительно пропела Галя. И уже тихо и себе под нос. – Ну, слава богу, дождалась.

– Ну заходи до двору, а шо, может ты ещё и готовить умеешь?

– Так руки вроде ж есть... – Будущая невестка уже закатывала рукава и основательно усаживалась у тазика с картошкой. Счастливый Боря сиял, как тот медный самовар, что уже третий год стоял в окне у тёти Песи. Он был абсолютно уверен, что Реночка очень понравится родителям. И он таки не ошибся.

Регина родилась в холодных краях. И детство у неё было тяжелое и очень голодное. Репрессированные родители прибыли туда не по своей воле, но Одессу они привезли в себе. Юмор и неповторимый колорит Реночкины родители гордо хранили, как красноармеец пролетарское красное знамя. Измождённые и, казалось бы, выброшенные из общей жизни люди создавали жизнь там, где находились сами. Они просто не умели и жить, и говорить по-другому. У них отняли всё, и даже их честное имя, но юмор и тонкий ум отнять у них было невозможно. До самой последней минуты они оставались ироничными и светлыми людьми. Вернуться же в любимый город смогла только их девочка.

– Я дико извиняюсь, но хочется спросить – шо мы будем всю эту картошечку жарить?! Или может всё-таки сварим?!

Регина споро очищала второе ведро картошки.

– Не, ну если ви думаете, шо у нас тут кушают на ужин одну картошку, так это ви сильно ошибаетесь, – подал голос счастливый отец шлимазла Бори.

Он давно уже наблюдал, стоя за спиной гостьи, как она молниеносно снимала с крупных базарных картофелин тонкую стружку и аккуратно складывала всю эту красоту в тазик с чистой водой. Гриша подмигивал жене, довольно покрывал и подкладывал Регине всё новые картошки, до того ему нравилось смотреть на её ловкие пальцы.

– Оно может, конечно, вы и правы, и кушают тут что-то ещё, – Регина сдула мешавшую челку, – но судя по количеству, ужинать будет вся улица. Или я ошибаюсь?!

Она озорно подмигнула Грише через плечо.

– Ой, шо там осталось от той улицы, видели бы вы нас до войны... Какие были люди!

Молодёжь подняла головы и огляделась по сторонам. Это был очень старый одесский двор. Высоко в небе плескалось бескрайнее чистое небо, его расчерчивали на острые треугольники беспокойные белые голуби. Кружевные переходы веранд и лестниц подпирали старые комнаты. Галереи разношёрстных пристроек делали двор похожим на настоящий Вавилон. Окна и двери были открыты свежему воздуху да и людскому взору. Из некоторых парусами пузырились чистые тюлевые занавески. Тазы, детские санки на зиму, патефон, горшки и коляски – вся эта рухлядь украшала веранды и стены, рассказывая удивительные бесконечные истории этого двора. Жизнь сообщала. Жизнь нараспашку.

– Тётя Песя, перестаньте мучать кошку, она умрёт от вашей любви раньше, чем успеет состариться!

– Дядя Иржик, шо там у нас с часами?! Ми их когда-нибудь починим или станем держать на стене для красоты?!

– Нет, ну нельзя же так издеваться над людьми... Феня Адольфовна, ваши котлеты пахнут и уже совершенно не можно дышать! Мы ж тут захлебываемся слюнями...

– Мая, пока ты доваришь своё сатЭ, наступит уже зима, а кушать надо сегодня!

Дородная и красивая Галя, как настоящий капитан на шхуне, командовала всем двором. Её острый наметанный глаз не пропускал ни малейшей детали, она, как минёр на поле, беспрестанно держала всех обитателей в поле зрения. Одной рукой она жарила свежую плотву, которую Гриша добыл на Привозе, другой мешала борщ в огромной кастрюле, больше похожей на выварку. Некоторые ей отвечали, нежно орали подколки и прибаутки в ответ, а многие просто любовно улыбались.

К ужину начиналось настоящее театральное действо. Из всех комнат, углов и проходов вниз стекались люди. Они чинно рассаживались за огромным столом, его соорудили прямо посреди двора. Двойной же праздник, во-первых, Шаббат – встреча субботы, и во-вторых, Галин Боря привёл таки на показать свою кралю. А это, знаете ли, происходит не каждый день. Соседи спускались со своей снедью и тарелками, вынося из домов всё самое лучшее, и каждый нёс с собой дополнительные стулья. Люди сидели очень странно, как бы все вместе, но между ними, здесь и там, злыми проплешинами, оставались пустые места. Регина прижалась к Борису и молча наблюдала этот ритуал.

– А почему так сидят?! Это ж столько людей ещё должны прийти? – округлила и без того огромные глаза гостья.

– А тут, Региночка, должны быть ещё люди... Но их почему-то нету... Совсем. – Гриша странно смотрел вбок, глаза его наполнились слезами.

Он родился и вырос в этом дворе, здесь гонял голубей и здесь впервые закурил. Его нянчила тётя Ева, Давид Моисеевич пытался обучить музыке, а доктора Бирштейны кормили манной кашей на базарном молоке.

Ривку и Лазаря Бирштейн повесили за помощь подпольщикам на большой площади в самые первые дни. Рядом с Галей и Гришей, по левую руку на пустом месте за столом сиротливо жалась друг к другу старые венские стулья из их приёмной.

Тётя Песя, по-прежнему прямо глядя перед собой и чуть улыбаясь, мерно качала головой и гладила рыжую кошку. Всю её семью румыны расстреляли и сбросили в ров. А сама Песя пряталась в лесу, её послали менять продукты. И грузовики, и расстрелы она видела своими глазами. И горящие амбары с людьми. Впав в ступор после всех ужасов, она пешком пришла в город, в свой родной двор, не понимая, что именно оттуда немцы их и забрали. Галя нашла её по дороге, как и нескольких других, долго прятала в подвалах доходного дома у Оперного театра. Рядом с тётей Песей у стола были аккуратно расставлены пустые табуреты.

Здоровенный Веня, в вечной тельняшке, вернулся с войны с тяжелой контузией. Его вынесла на руках санитарка Маечка, она же его и выходила. Он привёз её в Одессу, знакомить с многочисленной роднёй. Но дома их уже никто не ждал. Всю его семью расстреляли.

Троих маленьких братиков, сестру с детишками, маму и бабушку. Расстреляли и дедушку Давида Моисеевича, профессора музыки. Он наивно пытался разговаривать с немцами, убеждал пощадить женщин и детей. Напоминал им, что они великая гуманная нация Бетховена и Вагнера. Зондеркоманда – очумевшие от крови полупьяные эссесовцы ржали в голос и фотографировали чокнутого профессора. Распрямив больные плечи и гордо подняв голову он стоял на краю рва, подслеповато щурился на солнце и что-то шептал на идиш своему великому Б-гу.

Рядом с Веней и Маечкой, в торце стола, на почётном месте в потёртом плюшевом кресле лежала одинокая нежная скрипка .

Галя всегда была самой сильной и яркой в их дворе. Да и на всей улице. Злые языки болтали, что её мать во время погромов ссильничал пьяный казак. Богатая родня прогнала Соню, принёсшую в подоле горластую крупную девочку. А тётя Ева приняла, и пустила в свою комнату, и помогла поставить на ноги и выучить шустрюю малышку. Была она наполовину казачкой или нет, а только росла огонь, а не девка.

И тётю Еву, и Сонечку, Галину маму, и невероятно красивую Фаню, молодую жену Иржика, их всех закопали во рву. Дядя Иржик в фартуке часовых дел мастера молча утирал глаза платочком. Рядом с ним стоял пустой ярко синий стул его любимой Фани.

Галю убили и закопали тоже. Но только она не умерла, а очень долго выбиралась из груды тел. Это дедушка Давид спас её. Падая, он прикрыл девушку своим старческим телом, увлёк за собой, обманывая смерть. Выбравшись из общей могилы, Галя долго ползла, потом брела, пробиралась, возвращалась домой. По чердакам и подвалам у неё были спрятаны соседи. Старики и дети. И некому было позаботиться о них на всём белом свете. Ей надо было выжить, во что бы то ни стало. И она жила.

Галя переправляла людей в лес, доставала лекарства, ходила по хуторам обменивать еду. Разбрасывала листовки и таскала воду в катакомбы. Бесстрашную подпольщицу немцы поймали, хуторяне выдали её румынам за три мешка отборного зерна. Гриша с партизанами отбил её и других подпольщиков, вынес на руках полумёртвую. Выходил, вылечил, а уж после войны женился. Они оба вернулись в свой осиротевший двор, вернулись жить, соби-

рая по крупицам то, что осталось от их жизни. И даже родили Бореньку. И навсегда сохранили память о войне, но вот сломленными их назвать было никак нельзя.

И частенько поздним вечером, завидев басоту в подворотне, Галя по дороге домой громко выдала своё знаменитое:

– И если вы собираетесь мене жомкнуть и заземлить, так даже и не начинайте думать!!! Тут многие и до вас сильно старались, так их уже совсем нету, а я всё-таки ещё есть. И даже неплохо сохранилась....

В старом одесском дворе стоял длинный стол, вокруг него сидели искалеченные войной люди и рядом с каждым из них стояли пустые стулья, а на столе приборы.

Девочка-олёненок Реночка плакала навзрыд, кулачками размазывая горькие слёзы. Боря, гений математики и радость папы и мамы, её обнимал, гладил, и баюкал, как маленькую, сам при этом хмуря соболиные брови и подозрительно тянул носом.

Шумела листва. Галя с Гришей сплетали под столом натруженные мозолистые руки. Откинувшись на спинку своего высокого стула, Галя улыбалась. Ей было совершенно понятно, что наконец-то ей есть кому передать своих домочадцев и свой двор. Эта тоненькая девочка, хоть и родилась в сибирских сугробах, но была настоящей одесситкой. С железным характером, острым языком и горячим сердцем. Она подхватит её факел, и родит будущих детей, и никому не даст в обиду её Борика. И снова на бульваре зацветут каштаны, голуби взмоют в небо под лихой свист вихрастых хлопцев, а во дворе добрые соседи станут накрывать общие столы.

– Тю, та я не пОняла, а шо мы тут расселись, как на похоронах?! У нас суббота или как?! И ребёнка вон мне расстроили, и риба уже вся холодная! Гриша, Иржик, Венечка, наливайте нам лехаим, мы будем пить за жизнь!!!

Алёна БАСКИН.